

ОСНОВЫ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЗНАЧИМЫЕ ПОДХОДЫ

В статье делается попытка обобщить и систематизировать исторически существовавшие и современные подходы к определению основ русской идентичности. Рассматриваются такие подходы, как этимологический, религиозно-конфессиональный, цивилизационный, этнокультурный, этноидентификационный, политико-гражданский, паннациональный, биогенетический, расово-антропологический, коммуникативно-языковой, официально-бюрократический.

I. Putilova

PRINCIPLES OF RUSSIAN IDENTITY: BASIC APPROACHES

The article presents an attempt to generalise and to systematise old and modern approaches that define the principles of Russian identity. The author considers such approaches as etymological, religious, civilisational, ethno-cultural, ethno-identificational, political, pannational, biogenetical, anthropological, communicative-linguistic and official-bureaucratic ones.

Сегодня достаточно признано то, что минимизация остроты национальных отношений в России и будущее страны в немалой степени зависят от решения «русского вопроса» как совокупности имеющихся проблем русских в России и за ее пределами. Эта точка зрения закреплена в Концепции государственной национальной политики России, в которой отмечено, что

«межнациональные отношения в стране во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности»¹. Подобные констатации важности роли русского народа в развитии страны актуализируют необходимость глубокой научной рефлексии разных сторон бытия русского народа.

Вопрос «что значит быть русским?» в различных его авторских трактовках представляет собой один из самых «старых» в отечественном обществоведении и историософии, истоки которого обнаруживаются еще в первом из «Философических писем» П. Я. Чаадаева, а их развитие — в трудах русских мыслителей XIX — начала XX вв. А между тем, несмотря на наличие определенного корпуса исследований по данной проблематике, вряд ли сегодня правомерно признавать достаточным уровень и глубину ее разработанности. Уже беглый взгляд на содержание данных разработок позволяет убедиться в том, что в большей их части либо изначально отсутствует, либо весьма невнятно определен сам объект рассмотрения — русский народ, его обобщенные дефинитные черты и признаки. Подобное обстоятельство обуславливает необходимость обращения к данному аспекту проблемы, где обнаруживается ряд различных ее как исторически существовавших, так и современных решений и подходов.

Часть исследователей в качестве самого первого шага по выявлению основ «русскости» предлагает обратиться к этимологии самого слова «русский», что, по их мнению, могло бы способствовать выявлению своего рода «субстанции», истоков русской идентичности. Однако, несмотря на наличие большого корпуса историко-лингвистической литературы по данному вопросу, происхождение этнонима «русский» до сих пор остается неясным. Так, сегодня спорят, является ли этноним заимствованным, т. е. привнесенным на восточно-славянскую территорию варягами, или же исконным. Сторонниками «варяжской» версии происхождения этнонима таковой возводится либо к древнеисландскому слову *Róþsmenn* (усеченное *Róþs*) — «гребцы, мореходы», либо к финскому *ruotsi* — «швед». В свою очередь, представители оппозирующей стороны указывают на происхождение этнонима либо от индоарийской основы *rukṣa*, *russa* — «светлый», «белый», либо от

названия реки Рось на Киевщине, откуда по некоторым из многочисленных преданий «пошла, есть русьска земля», что в первом случае фиксирует лишь одну из черт антропологического типа русичей, а во втором — указание на их географическое «месторазвитие», но так же, как и в «варяжских» версиях, не вносит никакой ясности в разрешение означенной проблемы². На наш взгляд, представленные аргументы в обеих версиях достаточно спорны и в целом не проясняют ответа на вопрос об основах русской идентичности.

Как известно, для дореволюционной России был отчетливо характерен религиозно-конфессиональный подход, в котором универсальным критерием определения «русскости» являлась конфессиональная принадлежность, и именно принадлежность к православию. Понятия «русский» и «православный» имели семантическое тождество, что являлось следствием возникновения в России русского национального варианта восточной ветви христианства («обрусения христианского вероучения и церкви», по Б. Грекову). Неправославных подданных Российской империи воспринимали и относили к «иным», «другим», именуя «инородцами». Последние вместе с тем имели, как это не парадоксально, возможность, приняв православие, формально, по документам становиться «русскими». Предписанный этнический статус, таким образом, можно было изменить, лишь переменяв веру, т. е. «русскость» становилась уже не аскриптивным, а достигаемым статусом. Подобный конфессионально-этнический переход был возможен вследствие того, что этническому происхождению в дореволюционный период придавалось весьма малое значение, во всяком случае, значительно меньшее, чем впоследствии в СССР и во всех нынешних постсоветских государствах. Отметим здесь также то, что разграничение на государственном уровне этнических русских и неправославных, т. е. инородцев, подразумевало и влекло за собой отграничение по-

следних как людей, хотя и «инога рода, но своих, российских» от иностранцев как людей «иноземных», «заграничных», «чужих», «неродных».

Семантическое тождество понятий «русский» и «православный» обусловило появление близкого религиозно-конфессиональному, но во многом его подправляющего и расширяющего, так называемого цивилизационного подхода, который обнаруживается в отечественной историософской мысли XIX в., равно как и в современной научной литературе. Согласно данному подходу, формула «русский значит православный» является верной и оправданной лишь в том случае, когда под «православным» понимается не столько приверженец соответствующего вероучения или прихожанин православного храма, сколько представитель особой, самобытной православной цивилизации, идентифицирующий себя с таковой. При этом утверждается, что данный критерий является куда более определенным и точным в определении русской идентичности, нежели религиозно-конфессиональный³.

В современной научной литературе активно эксплуатируется подход, который можно было бы назвать этноидентификационным. Его представители в категорию «русские» включают общность этнических по происхождению русских. Среди сторонников данного подхода выявляется как узкое (его можно было бы назвать этатистским), так и широкое понимание представленной категории. В узком (этатистском) понимании в нее включаются только русские, проживающие в России и являющиеся гражданами таковой (т. е. российские русские). В более распространенном, широком смысле к последним добавляются русские, не являющиеся гражданами России. Сторонники первого, т. е. этатистского понимания, игнорируя факт существования отнюдь не малочисленных зарубежных русских диаспор, аргументируют свою позицию тем, что, по их мнению, подобные диаспоры уже по большей части под-

верглись этнической ассимиляции и миксации и реально являют собой ничто иное, как в той или иной степени оформившиеся субэтноты внутри конкретных «титольных» наций стран проживания. Все же, согласно мнению большей части сторонников этноидентификационного подхода, русскими признаются и граждане Российской Федерации, и граждане иностранных государств, а также лица без гражданства, проживающие за пределами РФ, имеющие во всех указанных случаях русскую национальность, т. е. все этнические русские.

В соответствии со следующим, а именно политико-гражданским подходом с русскими отождествляется вся общность людей, ныне проживающих в государственных границах Российской Федерации. Отметим, что подобное восприятие и трактовка категории «русские» характерны для исторического и современного Запада, в большинстве стран которого любого выходца из России издавна называли и по сию пору именуют «русским», используя во многом схожие и уже устоявшиеся гетеронимы (ср. английское «рашен», немецкое «руссиш» и т. д.). В данном случае мы имеем дело с восприятием России как национального (т. е. русского) государства и переносом на уровень его граждан этнонима государствообразующего народа. Данный случай, на наш взгляд, следует рассматривать как следствие и результат механического переноса на российскую почву известной, воплотившейся в процессе европейского нациестроительства теории «nation-state» («нация — государство»).

Как нам представляется, частной разновидностью политико-гражданского подхода выступает подход, проявившийся в петровскую эпоху, и который можно было бы обозначить как «социоструктурный». Петр I (и об этом сегодня редко вспоминается) выступил и в этнической сфере в роли новатора, введя новую формулу «русскости», заменив принцип «русский = православный» на принцип «русский = имперский служащий». Иными словами, Петр I заме-

нил принцип родства по крови/религии социоструктурным критерием: русская идентичность теперь определялась местом, занимаемым в социальной структуре Российской империи. Данный шаг, несомненно, был продиктован вступлением России в начале XVII в. в эпоху имперской идентичности. Впрочем, данный принцип в определении «русскости» просуществовал недолго и уже к XIX в. был вновь вытеснен принципом религиозно-конфессиональным.

Еще в дореволюционной отечественной этнографической науке, равно как и трудах русских мыслителей (в том числе и «русского зарубежья»), отчетливо обозначился паннациональный подход. Известно, что под паннационализмом в мировой политической науке понимается тип национализма, стремящегося к «объединению нескольких отдельных родственных общностей в относительно большую целостность (таковы панарабизм, панславизм, панафриканизм)»⁴. Согласно, например, взглядам П. А. Сорокина, «русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов – плюс «русифицированные» или ассимилированные этнические группы... Все остальные нерусские или территориальные группы... не принадлежали и не принадлежат к русской нации»⁵. В соответствии с данной, довольно часто сегодня используемой трактовкой с русскими отождествляют всю восточно-славянскую метаобщность, вбирающую в себя как самих этнических русских, так и представителей украинского и белорусского этносов. Последние при этом рассматривались и до сих пор нередко рассматриваются как обособившиеся этнографические группы русского народа (или особые части русской нации), имеющие самоназвание и выделяющиеся территориально обусловленной локальной спецификой некоторых сторон своего бытия.

Встречающийся в научной литературе расово-антропологический подход опирается на результаты изучения и описания ра-

сово-антропологических черт и признаков различных групп русского народа. Представителями рассматриваемого подхода констатируется, что русские «по своему расовому составу – типичные европеоиды, по большинству антропологических признаков занимающие центральное положение среди народов зарубежной Европы и отличающиеся несколько более светлой пигментацией глаз и волос и менее интенсивным ростом бороды, и более крупными размерами носа»⁶. Данные выводы опираются на признание того, что в физических характеристиках ныне живущих русских, несмотря на огромную территорию их расселения, сохраняется единство их антропологического типа. По мнению исследователей, это единство отражает сочетание признаков, сложившихся еще в отдаленном прошлом: в основе русского антропологического типа и некоторых родственных ему дославянских типов лежит один общий антропологический слой, очень древний, восходящий к раннему неолиту или мезолиту. Исходный общий тип, названный древним восточно-европейским, весьма отчетливо выступает в суммарной характеристике современных групп русского населения⁷.

Сторонники биогенетического подхода пытаются определить русского человека по некоему «условно-процентному» присутствию в нем «русской крови». В публикациях, ориентированных на данный подход, показываются результаты изучения феномена «русскости» посредством выделения конкретных его «типов». Критериями для такого рода типологизаций выступают совпадение/несовпадение этнического происхождения индивидов с этнической принадлежностью как отца и матери, так и ближайших предков степень участия таковых в процессах межэтнического обмена⁸. На основе данного рода критериев обычно выделяются такие типы русских, как: а) гомогенный (русские, национальность которых совпадает не только с этнической принадлежностью родителей, но и всех их ближайших предков); б) гетерогенный (пред-

ставители русского этноса, имеющие одного или обоих родителей, либо какого-то предка иной национальности); в) этнически неопределенный (русские, не обладающие достоверной информацией о национальности одного или обоих родителей, равно как и какого-то из своих предков). Данная типология русских нередко используется в современных социологических исследованиях⁹.

Представителями широко используемого сегодня коммуникативно-языкового подхода за основу определения «русскости» берется язык: русским признается всякий, кто пользуется русским языком как основным средством общения и коммуникации, кто говорит и думает по-русски¹⁰. В современной научной публицистике термин «русские» нередко подменяется термином «русскоязычные», что совершенно неоправданно и некорректно. Заметим, что понятие «русскоязычные», или «русскоязычное население» используется в широком и узком смыслах. В широком смысле — как объединительное название русских и групп людей другой этнической принадлежности, пользующихся преимущественно русским языком и считающих его «родным». В узком смысле под «русскоязычными» понимаются только группы нерусской национальности с «родным» русским языком.

Еще совсем недавно существовал и был основным в советский период так называемый обязательно-бюрократический подход. В соответствии с ним русского человека можно было определить по соответствующей записи в его паспорте, которая, и это необходимо особо отметить, вносилась не произвольно, волюнтаристски, а обуславливалась уже зафиксированной этнической принадлежностью родителей (обоих либо одного из них).

Для большинства современных отечественных исследователей характерен этнокультурный (или добровольно-субъективный) подход, согласно которому русской признается общность людей, идентифицирующих себя с русской культурой и являю-

щихся реальными ее носителями и субъектами («творцами»). Быть русским означает быть воспитанным в традициях русской культуры и развивающим таковые. В результате в основание русской идентичности кладется определенный набор идей и ценностей, которые в русском человеке осознанно и бессознательно связаны со всеми данностями русского образа жизни и традициями. С данных позиций русскими признается «устойчивая, по крайней мере, частично организованная общность людей, исторически сложившаяся на базе православной веры, вобравшей в себя и прежние духовные ценности, на основе соборности, общности языка, великой культуры, государственности, обширной территории, экономической жизни, национального самосознания, русской идеи, национальных интересов»¹¹.

Частной разновидностью этнокультурного подхода, как нам представляется, выступает этнокомпонентный подход, основанный на выделении характерных черт и стереотипов, считающихся «архетипическими», традиционными для русских людей и являющих собой разные стороны, грани русского национального характера. При таком подходе русские наделяются и определяются по вполне определенному «набору» конкретных критериальных свойств и черт, причем как положительной (приветливость, доброта, щедрость, миролюбие, простота, прямотушие, духовность и т. п.), так и негативной (бесшабашность, недисциплинированность, безынициативность и т. п.) направленности, выявление которых позволяет составить своего рода «типичный портрет» русского человека на конкретном историческом этапе существования русского народа.

В целом, рассмотренные выше подходы к определению основ «русскости» сегодня в той или иной мере используются представителями русского народа в процессе их самоидентификации и вследствие этого могут рассматриваться как ее определенные стороны, грани, моменты, влияющие на оформление русской идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — С. 659.

² См. об этом, напр.: *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка: этимологический словарь / О. Н. Трубачев. — М.: Наука, 1999; Кто они и откуда? Древнейшие связи славян и арьев. — М., 1998.

³ См. об этом, напр.: Русская цивилизация. — М., 1994; Русско-славянская цивилизация. — М., 1998; *Троицкий Е. С.* Русская этнополитология: В 3 ч. Ч. 3. — М., 2003. — С. 5–65.

⁴ The Dictionary of World Politics. — N. Y., 1990. — P. 303.

⁵ *Сорокин П. А.* О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса / П. А. Сорокин. — М.: АКИРН, 1994. — С. 24.

⁶ *Дерябин В. Е.* Современные восточно-славянские народы / В. Е. Дерябин // Восточные славяне. Антропология и этническая история. — М., 1999. — С. 47.

⁷ См. об этом, напр.: *Демин В. Н.* Откуда ты, русское племя? / В. Н. Демин. — М., 1996; Он же. Тайны русского народа / В. Н. Демин. — М., 1997.

⁸ *Ларионов В. Е.* Расовые и генетические аспекты этнической истории русского народа / В. Е. Ларионов // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. — М., 2000. — С. 22–23.

⁹ См., напр.: *Рыбаковский Л. Л., Сигарева Е. П., Харланова Н. Н.* Этнический фундамент населения России / Л. Л. Рыбаковский, Е. П. Сигарева, Н. Н. Харланова // Социс. — 2001. — № 4. — С. 87.

¹⁰ *Савельева Л. В.* Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении / Л. В. Савельева. — Петрозаводск, 1997.

¹¹ *Троицкий Е. С.* Указ. соч. — Ч. 1. — С. 67.